

БОККАЧЧО-ПОЭТ

Совсем недавно в мире отмечалось семисотлетие со дня рождения Джованни Боккаччо (1313–1375), писателя-гуманиста, младшего из трех величайших литературных гениев Италии, стоявших у истоков эпохи Возрождения: он был почитателем и последователем Данте и близким другом и соратником Петрарки.

Всемирную славу Боккаччо принес «Декамерон» — произведение, грандиозное во всех отношениях, во многом заложившее основы европейской художественной прозы. Однако им творческое наследие автора отнюдь не исчерпывается — оно громадно и разносторонне. Условно его можно разделить на три направления: итальянская художественная проза, поэзия и научные исследования (трактаты, написанные преимущественно на латыни, а также работы, положившие начало дантоведению). Мастер пробовал себя во всех жанрах того времени, от лирического сонета до новеллы и романа. Все, что выходило из-под пера Боккаччо (а творил он с раннего возраста до последних дней жизни), несомненно, возмечивало литературу Италии и ее народный язык (*volgare*, «вульгарный»).

В своих произведениях Боккаччо зачастую выступал как новатор и первопроходец. Пожалуй, никто из средневековых авторов не проникал столь глубоко в тайны психологии мужчины и женщины, охваченных любовными чувствами, и не облакал эти познания красочным слогом высокой словесности.

В прозе, помимо «Декамерона» (завершен в 1351 году), Боккаччо создал немало произведений на итальянском языке. Среди них обширный любовно-приключенческий роман «Филоколо» (1336–1340), пасторальная повесть и одновременно первый роман воспитания «Амето» (другое название «Комедия флорентийских нимф», 1341–1342), психологическая повесть, или малый роман, «Элегия мадонны Фьямметты» (1343–1344) и, наконец, «Ворон» — сатирическая инвектива, направленная против женщин (1354–1355).

Филологические и исторические сочинения на латыни относятся в основном к позднему периоду творчества писателя, когда он оказался во власти пессимистических настроений и внутреннего разлада; в это время труды по изучению и комментированию Данте стали для него настоящей отрадой.

В душе же Боккаччо неизменно считал себя поэтом. Итальянских стихов после него осталось больше, чем после Данте или Петрарки, он — автор пяти объемистых поэм и множества лирических стихотворений, главным образом сонетов, которые хоть и не были собраны им самим в единый свод (по примеру Петрарки), все же с достаточной полнотой отражают жизненный путь поэта, его мысли, чувства

и настроения, претендуя на звание поэтического дневника. Помимо того, следует отметить ряд стихотворных вставок в крупных прозаических формах: главы в терцинах в «Амето» и баллаты (канцоны на музыку) в конце каждого дня «Декамерона»; добавим к этому латинский цикл «Буколическая песнь» и стихотворные изложения всех трех частей «Божественной комедии» Данте.

В представленном сборнике русский читатель впервые имеет возможность ознакомиться с полным сводом лирики, созданной Боккаччо в течение всей жизни; приведена здесь и юношеская его поэма «Охота Дианы». Но не был ли Боккаччо-поэт эпигоном Петрарки, перед которым благоговел? Не являются ли его стихи досужими опытами маститого прозаика? Нет, даже первое знакомство с лирикой Боккаччо, или по-итальянски *rite* (дословно — «рифмы»), говорит о ее самостоятельности и художественной полноценности.

Чтобы легче понять среду, в которой жил и творил поэт, необходимо рассмотреть обстоятельства его жизни, особенно ранние годы, проведенные в Неаполе. Сразу оговоримся, однако, что в биографии Боккаччо много белых пятен и спорных моментов, а особое внимание, разумеется, будет уделено стихотворному наследию автора.

* * *

Джованни, внебрачный сын флорентийского купца и француженки, родился предположительно в Париже, 16 июня 1313 года. Имя его матери неизвестно, однако по ряду признаков можно полагать,

что она происходила из знатного (по легенде, даже королевского) рода. Вероятно, в этом секрет врожденного аристократизма Боккаччо. Отец, Боккаччино ди Келлино, выходец из крестьян, принадлежал к купеческому сословию и был родом из Чертальдо, местечка неподалеку от Флоренции. По своим коммерческим делам, весьма успешным, он подолгу бывал в Париже, где, между прочим, стал свидетелем знаменитого суда над тамплиерами. После рождения сына он забрал его с собой во Флоренцию, торговый и деловой центр Италии. Мальчик рос в семье отца, который был богат, отличался добрым нравом и не делал различий между ним и своими законными детьми, а вот с мачехой, видно, у Джованни отношения не сложились, потому он был рад покинуть отчий дом еще в юные годы.

Как всякий отпрыск почтенного купеческого семейства, Боккаччо¹ должен был пойти по стопам отца, заняться банковским делом и приумножать родовые капиталы. Уже шести лет (или, по другим сведениям, десяти) отец отдал его местному купцу для обучения торговому делу, а пятнадцатилетним отправил сына в Неаполь, где завоевывал себе звание поставщика королевского двора. Предприимчивый Боккаччино хотел, чтобы сын со временем стал его постоянным торговым представителем в Неаполе, укрепил нужные связи и развивал семейное дело. Джованни же, от природы отличавшийся острым,

---

¹ Примечательный факт: юноша изменил фамилию отца, вместо Воссассино (по-итальянски «малый рот») он стал именоваться Воссассио («большеротый»).

прозорливым умом, не проявлял ни малейшей склонности к коммерции, зато пристрастился к поэтическим занятиям. Стихи он начал сочинять, едва изучив буквы, как впоследствии сам напишет в трактате «Генеалогия языческих богов» (XV, 10). Юноша внешне покорствовал отцу, от которого всецело зависел материально; и когда тот позволил ему отойти от ненавистной коммерции с условием обучаться юриспруденции, Джованни снова не воспротивился, однако и здесь отцовских ожиданий не оправдал. Следствием его увлечения поэзией явился огромный интерес к древнеримской классике. Рано освоив латынь, международный язык ученых того времени, Боккаччо совершенствовался в ней уже в Неаполе, обучаясь у знатных наставников, придворных короля Роберта Анжуйского. Здесь он получил базовые знания по риторике, астрологии, астрономии, истории, географии, а также доступ в святая святых — королевскую библиотеку, хранитель которой был одним из его наставников, щедро оплачиваемых Боккаччино. Здесь, на могиле великого Вергилия, молодой Боккаччо принес клятву верности поэзии. Одержимый неутолимой жадностью знаний, он ревностно изучал манускрипты, конспектировал и даже переписывал различные сочинения, итальянские и латинские, формируя тем самым свой кругозор. Эти записи, именуемые в Италии *zibaldone*, могут дать представление о необъятной широте его интересов.

В круг чтения юноши, помимо любимого Овидия, входили латинские эпиграммы, Вергилий, Гора-

ций, Квинтилиан, Сенека, Стаций, Боэций, а также многие средневековые латинские авторы, старофранцузские романисты, провансальские и итальянские трубадуры, поэты «нового сладостного стиля». Намного раньше самого Петрарки он стал почитателем Данте, произведения которого уже тогда пользовались заслуженным уважением в Неаполе. Данте он был обязан многим; в свою очередь, мировое дантоведение обязано Боккаччо еще больше. Именно он первым провозгласил Данте величайшим поэтом Италии. Но это будет потом. Пока же привольная жизнь в богатом торговом городе, загородные прогулки, морские путешествия, поездки на курорт (знаменитые со времен римских императоров Ба́йи), забавы, любовные диспуты, дружеская атмосфера светского общества, куда был вхож молодой поэт, умевший нравиться дамам, — все это влияло на его восприимчивый ум и отличавшийся легкостью характер и давало множество поводов для его поэтического вдохновения.

Необходимо сказать пару слов о тогдашнем высокопоставленном патроне Боккаччо, короле Неаполя Роберте. Сын короля Карла II из Анжуйской династии (Сицилийский дом), он вступил на престол в 1309 году и руководил партией гвельфов, к которой, как известно, принадлежали Данте и отец Петрарки. За заслуги перед Святым престолом Роберту понтификом был пожалован сан сенатора Рима. К тому же правитель Неаполя отличался высокой образованностью, любовью к искусствам, особенно к изящной словесности, за что получил прозвище

10   Мудрый. Король привлекал ко двору многих ученых

и поэтов, под его покровительством существовал кружок аристократической молодежи, проводившей время в веселых забавах на лоне природы, поэтических упражнениях и соревнованиях в любовной риторике. Молодой Боккаччо скоро стал в нем, что называется, душой компании. Его изящные манеры, искрометный ум, ученость не по летам и литературный талант полностью соответствовали куртуазному идеалу и привлекали всеобщее внимание. Неудивительно, что первые стихотворные опыты будущего гения итальянской литературы проникнуты духом беззаботности, полным ощущением *dolce vita*.

Первым опытом Боккаччо в области поэзии на родном языке следует признать небольшую поэму «Охота Дианы» (ок. 1334), написанную в терцинах — форме, примененной им впервые после Данте. По сути, это просто лирическая зарисовка. Разделенная на восемнадцать коротких песней, поэма практически бессюжетна: в ней дано описание охоты аристократок под предводительством богини Дианы, неведомо как объявившейся в окрестностях Неаполя. В первой песни мы видим дам, призванных незримым глашатаем Дианы, они разделяются на четыре группы и охотятся в четырех направлениях, по частям света. Ровно в середине поэмы (песнь девятая) вступает в лес вторая группа охотниц. Таким образом, композиция двухчастная, диптих с симметричным построением. Особенное внимание автор уделяет перечислениям, излюбленному приему античных поэтов и провансальских трубадуров. Все дамы из первой группы — тридцать одна! — перечислены поименно, равно как и входящие во вторую

группу. Такая точность неслучайна. Здесь не только желание автора лишний раз заслужить признательность светского общества, но и следование литературным традициям: античной, идущей от знаменитого гомеровского списка кораблей, и средневековой, характерной для сирвенты, специального жанра, разработанного трубадурами. Исследователи установили, что ни одна из дам не вымышлена Боккаччо, это реальные представительницы знатных семейств, о которых имеются исторические сведения, хотя и скудные. Написание имен во всех сохранившихся списках поэмы (их шесть) различается. (Заметим кстати, что любовь к перечислениям распространилась и на стихотворения Боккаччо, из-за чего они приобретают подчас комический оттенок, как, например, в сонетах LXIII, LXXXVI, LXXXVIII.) Последнюю даму, призванную на охоту, поэт не называет по имени, объясняя это тем, что «в ее честь подобает хвала более высокая, чем та, что он способен ей воздать» (Охота Дианы, I, 53–55), поскольку она «дама, чтимая Амором / За добродетели превыше всех» (I, 46–47)¹. В дальнейших песнях поэмы не без красочных подробностей повествуется о различных случаях на охоте, а в финале добыча, которую дамы отказываются посвятить Юпитеру и Диане, превращается в живых юношей благодаря вмешательству богини Венеры. Автор пожелал придать своей истории форму превращений в духе Овидия. Ее главная идея, как считают ученые, — противо-

---

¹ *Giovanni Boccaccio. Caccia di Diana / a cura di Vittore Branca // Tutte le opere. Vol. 1. Milano: Mondadori, 1967.*

стояние чувственной любви холодному целомудрию. Кровавое истребление различных животных завершается триумфом земной любви.

Факт отсутствия в «Охоте» донны Фьямметты, Прекрасной Дамы Боккаччо, указывает на то, что это самое раннее его произведение. Встреча с прекрасной неаполитанкой Марией д'Аквино состоялась в Страстную субботу, 11 апреля 1336 года в церкви Сан-Лоренцо. Подобно героям своих будущих произведений, поэт влюбился в нее с первого взгляда, несмотря на существенную разницу в социальном положении (по легенде, инициированной, впрочем, самим Боккаччо, Мария была внебрачной дочерью Роберта). Замужняя женщина поначалу не отвечала взаимностью, и лишь потом их отношения переросли в бурный роман, длившийся недолго, но оставивший в душе Боккаччо след на всю жизнь. Знатная светская дама быстро охладела к купеческому сыну, а тот сделал ее своей музой, увековечив под звучным прозвищем Фьямметта, что в переводе с итальянского означает «огонек». Некоторые исследователи сомневаются в самом существовании Фьямметты, считая ее вымышленным персонажем, собирательным образом, порождением литературной традиции. Как бы то ни было, в европейской культуре она с полным правом занимает почетное место рядом с Беатриче и Лаурой. Чувства, охватившие автора при первой встрече, описаны в прологе к «Филоколо»:

Случилось, что в один из дней... (<...>) ...я, составивший это сочинение, находился в одном величественном и красивом партенопейском храме, названном

в честь того, кто ради своего обожествления претерпел жертвенную муку на решетке¹; там под пение, полное гармонии, слушал я молебен, исполняемый в такой день священниками... (...) Явилась тогда глазам моим чудесная красота упомянутой девушки, пришедшей в это место послушать то же, что и я внимательно слушал; и едва я увидел ее, сердце мое так сильно заколотилось, что это биение как бы отвечало чрезмерному содроганию моего тела; и, сам не зная почему и еще не чувствуя того, что, как оно уже воображало себе, должно произойти с ним в будущем благодаря новому видению, я начал говорить: «Ах, что же это?» — и сильно сомневался, не очередная ли добука выпала мне².

Едва ли о юношеской любви можно высказаться витиеватей, чем это сделал в романе молодой Боккаччо. Согласно повествованию, Фьямметта без особых предисловий попросила оробевшего влюбленного облечь в стихи старинную историю любви принца Флуара к прекрасной Бланшефлор, что и стало сюжетной основой прозаического «Филоколо», создававшегося в Неаполе и, возможно, впоследствии во Флоренции на протяжении многих лет. Трудно сказать, сколько Боккаччо написал в те жаркие дни своей молодости вдохновенных сонетов в честь мадонны Фьямметты. По сохранившимся образцам можно судить, сколь глубоко она затронула его сердце. В немногих чертах воссоздан образ, подобный

---

¹ Церковь Сан-Лоренцо посвящена памяти святого Лаврентия Римского, который в III веке н. э. подвергся мучительной казни огнем на железной решетке.

² «Филоколо», кн. I, гл. 1. Перевод автора статьи.

тому, которому поклонялись в стихах трубадуры, а после них Данте и Петрарка. Фьямметта не только обладает совершенной телесной красотой, она наделена эталонной добродетелью и чистотой, главенствует во всем, в том числе в изящных искусствах, а прежде всего — в душе влюбленного в нее поэта. Но поэтический мир Боккаччо не лишен противоречий, допущенных автором сознательно, с опорой на предшествующую традицию: его Прекрасная Дама не только ангел во плоти и средоточие добродетелей — она и «безжалостная врагиня», роковая сирена, губящая доверчивых своим пением и красотой.

Светская дама должна была уметь как минимум играть на лютне, желательно — обладать приятным голосом. В целом ряде ранних сонетов мы находим изысканные восхваления певческих талантов Фьямметты, голос которой назван ангельским. Боккаччо одним из первых в мировой поэзии сравнивает возлюбленную с ангелом. Ангелы, как известно, существа бесполое, но он воспроизводит это слово в женском роде, *angiolella*, даже использует уменьшительную форму *angioletta*, избегая каких-либо религиозных коннотаций. Наряду с ангелом Фьямметта названа нимфой, богиней. Поэт удачно играет на мифологических ассоциациях, возникающих у просвещенного читателя или слушателя. Голос прекрасной певицы звучит краше, чем пение Орфея, некогда очаровывавшего живую и неживую природу, и Ариона, приманившего дельфина, что спас его от морских разбойников; он краше музыки фиванского царя Амфиона, который игрой на кифаре мог пе-

редвигать камни. Чары, ангельская сущность Фьямметты и ее голоса для Боккаччо заключаются прежде всего в той силе, с какой дама воздействует на влюбленного, то есть на него самого (III, 13–14: «Так зачарован, на нее смотря, / Что сам скалою обратиться смог»). Наконец, Фьямметта — неаполитанская сирена, своим голосом заставляющая слушателей забыть обо всем на свете, потому автор сонетов не упускает случая сравнить ее с мифической сиреной Партенопой, в честь которой, согласно местному античному преданию, город, основанный на месте ее могилы, стал называться Партенопеей (сонеты XXXVI и XLVIII). Нам этот город известен как Неаполь, и Боккаччо провел там самые счастливые годы своей жизни. Из преданий мы знаем, что сирены были коварны и относились к разряду не положительных, а скорее демонических персонажей, поэтому любопытна цепочка образов: Прекрасная Дама — ангел — сирена. Боккаччо как будто хочет сказать, что между святым и грешным, благостным и роковым — весьма зыбкая грань. Точно так же скрытое упоение любовным чувством неизбежно приводит лирического героя к душевным и даже физическим страданиям.

В 1335 году (двадцатидвухлетним) поэт приступил к своему первому крупному произведению, роману в стихах «Филострато» (более 5000 строк), который завершил в феноменально короткий срок — менее двух лет. Название образовано от сочетания двух слов, греческого *filos* и латинского *stratus*, что должно было означать «поверженный или страждущий от любви». В основе романа лежат личные об-

стоятельства, о чем заявлено в прологе, написанном в форме послания к Фьямметте, названной здесь Филоменой. Филострато — сам Боккаччо, томящийся в Неаполе, когда его покинула дама, внезапно уехав в Санта-Кроче-дель-Саннио. Молодой поэт страдает от любви, а в большей степени (о чем впрямую не говорит, но дает понять) — от ревнивых подозрений. Чтобы передать свое душевное состояние и облегчить боль, он обратился к творчеству и стал «с тщательностью перебирать в уме различные древние истории», остановившись в конце концов на юном Троиле, сыне царя Приама. Трагическая любовь благородного юноши к даме, которая ответила ему взаимностью, но быстро оставила ради любви к Диомеду, в качестве сюжета как нельзя лучше подходила Боккаччо, который вознамерился «свои страданья передать / Чрез боль чужую; пусть же гнет сердечный / Внимающих заставит сострадать»¹ (I, 5, 4–6). «Филострато» наполнен личными мотивами (ревность, страдания от разлуки с возлюбленной и как итог — разочарование в женщинах) и проникнут глубоким лиризмом, что заставило некоторых исследователей видеть в нем лирическую поэму. Многие октавы перекликаются с созданной в те годы лирикой. Подлинно лирическими являются отдельные пассажи, такие как гимн Венере и любовные послания героев друг другу. Троилу присущи пылкость и склонность к самопожертвованию, Крисеида отличается лукавством и кокетством, знает себе цену и в любых обстоятельствах способна вес-

---

¹ «Филострато» I, 5, 4–6. Перевод автора статьи.

ти ловкую игру ради собственной выгоды. Повествование «Филострато» цельное, до мелочей продуманное; протагонист, троянский царевич Троил, выступает как *alter ego* автора, а в его вероломной даме легко узнается Фьямметта.

Следующим крупным стихотворным произведением Боккаччо явилась поэма «Тезеида» (более 9000 строк). Она выстроена на материале рыцарских романов «античной ветви», то есть тех, что ориентированы на древнегреческие и древнеримские источники — литературные, исторические и мифологические. Здесь Боккаччо предпочитает строить сюжетную линию самостоятельно. Подобно Троянской войне в «Филострато», история покорения Тезеем амазонок служит лишь фоном, на котором разворачивается личная драма героев, соперничество двух юных братьев, Палемона и Арчиты, страстно влюбленных в сестру пленной царицы Ипполиты. Арчита, в котором видят самого Боккаччо, завоевывает на поединке с братом красавицу Эмилию (она же Фьямметта), но в момент своего триумфа из-за вмешательства богини Венеры внезапно гибнет, упав с коня. Перед смертью он трогательно завещает даму брату-сопернику. «Тезеиду» с полным правом можно назвать рыцарским романом, выгодно отличающимся от многочисленных предшественников глубокой прорисовкой и психологической убедительностью персонажей, несмотря на основной недостаток этой вещи — излишнюю затянутость.

Неаполитанский период жизни и творчества
18 Боккаччо завершился, как полагают исследователи,

в 1340 году. Он вернулся во Флоренцию (еще был жив его отец) и включился в общественную жизнь города. Из письма к неаполитанскому другу Никколо Аччиоли, датированного 1341 годом, известно, сколь тяжело Боккаччо переживал окончательное расставание с Фьямметтой, как сильно угнетало его чувство одиночества, покинутости и острая ностальгия по прежней беззаботной жизни в Неаполе. Не стоит сомневаться в искренности этого признания, учитывая, насколько ранима была душа поэта, отличавшегося чрезмерной впечатлительностью и склонного к меланхолии. Утешением ему служили, разумеется, интенсивные литературные занятия.

Первый флорентийский период творчества, наиболее яркий и интенсивный, завершился «Декамероном», который создавался на рубеже сороковых и пятидесятих годов XIV века. Здесь мы не будем рассматривать ни это, ни иные зрелые творения мастера, такие как написанный прозиметром (смесью прозы и стихов) «Амето» и прозаическую «Элегию мадонны Фьямметты», с которыми русский читатель имел возможность ознакомиться по прежним переводам и изданиям. Остановимся на поэзии. В эти годы Боккаччо, надо полагать, отошел от любовной лирики. Доселе игривый тон его сонетов не соответствовал новым реалиям и настроениям, а бесконечно жаловаться на судьбу покинутого любовника он, по-видимому, не хотел. Сороковые годы отмечены созданием двух крупных поэм, ставших выдающимся достижением Боккаччо в области поэзии и повлиявших на литературу последующих столетий,

а в свое время даже и на Петрарку, дружеские отношения с которым завязались у Боккаччо в 1350 году. В 1342–1343 годах было создано «Любовное видение», в терцинах, в пятидесяти песнях. Эта поэма — дань преклонения Боккаччо перед творцом «Божественной комедии», по замыслу и форме она дантовская. В сопровождении безымянной женщины-проводника автор, достигший «середины жизни земной», странствует по некоей пустынной местности. Он оказывается в чудесном замке в надежде найти там прекрасную Фьямметту, проходит длинную анфиладу комнат, где созерцает картины, прославляющие мудрость и нежные чувства. Перед автором-зрителем раскрывается монументальное полотно «Триумф Амора», представляющее собой последовательную череду историй — примеров сладостной любви из сказаний античного мира. Надо сказать, что «Видение» позже вдохновило Петрарку на «Триумф Любви», первый из серии его «Триумфов», также написанных в терцинах. Поэма заканчивается несколько внезапно и на печальной ноте: Боккаччо наконец встречает свою Фьямметту, но, пробудившись ото сна, утрачивает ее вновь, уже, по-видимому, навсегда. Помимо дантовской формы, «Видение» — это еще и громадный акростих: из первых букв каждой терцины складываются три любовных сонета, помещенных автором перед началом повествования.

20 Завершают череду любовных поэм «Фьезоланские нимфы», наиболее совершенное стихотворное произведение Боккаччо, жанр которого можно было